

Приходько Вера Сергеевна

ТЕЛЕСНОЕ КАК ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛИЗАЦИИ В РОМАНЕ ХАРПЕР ЛИ "УБИТЬ ПЕРЕСМЕШНИКА"

В статье рассматривается взаимосвязь проявлений категории телесного в тексте романа Харпер Ли с процессом социального становления главной героини. Свойственная ей "физиологичность" восприятия эмоций окружающих людей, признаков социальных групп и характеристик отдельных личностей приводит ее к нетипичному для социальной среды американского Юга 1930-х годов видению проблемы расовой дискриминации. Героине удается в буквальном смысле ощутить индивидуальность каждого человека, включая цвет кожи, и полностью снять для себя проблему расовых различий, чего не удалось осуществить до конца даже самым последовательным защитникам справедливости в романе.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/5-1/39.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 5 (35): в 2-х ч. Ч. I. С. 140-143. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

IDIOSTYLE OF THE AUSTRIAN POET THEODOR DAEUBLER

Pil'gui Aleksandra Vladimirovna
Lomonosov Moscow State University
besen@mail.ru

The purpose of the article is to study the idiostyle of the Austrian poet Theodor Daeubler (1876-1934). By the example of concrete works the main parts of his poetic vocabulary are revealed and the word-building, morphological and syntactical resources of the poetic text are described. It is shown that when describing nature T. Daeubler uses traditional formula means of creating figurativeness together with artistic-language means that are the characteristics of expressionism poetics.

Key words and phrases: Theodor Daeubler; idiostyle; the Austrian expressionism of the beginning of the XX century; nature image in expressionism poetics; linguo-stylistic analysis of text; poetic vocabulary; figurative word usage; tropes; word creation; symbolism; problem of formulaicity.

УДК 8.821.111

Филологические науки

В статье рассматривается взаимосвязь проявлений категории телесного в тексте романа Харпер Ли с процессом социального становления главной героини. Свойственная ей «физиологичность» восприятия эмоций окружающих людей, признаков социальных групп и характеристик отдельных личностей приводит ее к нетипичному для социальной среды американского Юга 1930-х годов видению проблемы расовой дискриминации. Героине удается в буквальном смысле ощутить индивидуальность каждого человека, включая цвет кожи, и полностью снять для себя проблему расовых различий, чего не удалось осуществить до конца даже самым последовательным защитникам справедливости в романе.

Ключевые слова и фразы: Харпер Ли; социализация; телесное; физиологичность; расовая дискриминация; роман воспитания.

Приходько Вера Сергеевна, к. филол. н.
Южный федеральный университет
vera.s.prikhodko@yandex.ru

**ТЕЛЕСНОЕ КАК ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛИЗАЦИИ В РОМАНЕ
ХАРПЕР ЛИ «УБИТЬ ПЕРЕСМЕШНИКА»©**

Роман Харпер Ли нельзя назвать произведением неоднозначным, спорным или сложным для восприятия. Его основные темы раскрываются с дидактической очевидностью романа воспитания. Детский взгляд на социальную среду американского Юга 1930-х годов, убедительный и искренний, уже более полувека вызывает восхищение многочисленных читателей. Критика его излишней прямолинейности («Во всех великих романах присутствует некая неоднозначность в плане морали, потенциальная внутренняя противоречивость, которая не позволяет их слишком легко понять и объяснить. <...> В «Убить пересмешника» неоднозначности нет <...>. И пора уже перестать делать вид, что этот роман является вечной классикой...» [1]) может показаться справедливой взыскательному ценителю «высокой» литературы, однако популярности подобное мнение не приобретает. В самом ли деле роман так прост, как кажется?

Освещение социальных противоречий с точки зрения ребенка, существа наивного, естественного и лишённого предрассудков, представляющихся взрослым непреложной истиной, – прием достаточно распространенный. В «Убить пересмешника» восприятие маленькой Скаут¹ отличается особой непосредственностью и, в силу этого, подчеркнутой телесностью. Внимание к физиологии вообще свойственно детям, но у Скаут это не просто черта, подтверждающая достоверность персонажа, а доминирующая характеристика личности и её мира, активно используемая в романе как инструмент социализации. Это позволяет автору более точно и глубоко раскрывать ключевые темы взаимосвязи видимого и истинного, внешности и характера отдельных людей и, наконец, расовых предрассудков.

Сразу бросается в глаза, что испытываемые рассказчицей эмоции регистрируются через телесные ощущения: «Кровь у меня в ногах снова потекла по венам» [2, р. 148] – облегчение; «Я начала ощущать, как у корневой волос собираются капельки пота» [Ibidem, р. 170] – страх и т.п. Соответственно, все, что телесных характеристик лишено, внушает ей ужас: в первую очередь, конечно, Бу Рэдди – «непонятное существо» [Ibidem, р. 7], «фантом» [Ibidem, р. 9], «тень» [Ibidem, р. 59], не имеющий лица. Ясно, что «правдоподобное описание»,

© Приходько В. С., 2014

¹ В статье используются транслитерации имен персонажей, а также подстрочный перевод всех цитат из романа, выполненный автором статьи, поскольку именно такой перевод может дать более полное представление о лингвостилистических особенностях оригинального текста.

предложенное Джемом, – «...длинный шрам через все лицо; остатки желтых гнилых зубов; глаза навывкате, и почти все время текут слюны» [Ibidem, p. 14] – не имеет с реальностью ничего общего, а позаимствовано из очередного романа ужасов. Для детей «...то, что в книгах, – вот это, и правда, страшно» [Ibidem, p. 309], поскольку в жизни все куда более конкретно, осязаемо – и, в то же время, воспринимается ограниченно: просто не успеваешь испугаться. Неизгладимое впечатление производит на Скаут случай на пожаре, не только благодаря проявлению заботы со стороны кошмарного соседа-невидимки, но еще и тому, что она не заметила, когда и как на плечи её легло одеяло. Особенно ярким примером описания события через физические ощущения становится сцена нападения Юэла, где героиня лишена возможности видеть происходящее и даже свободно двигаться, а потому испытывает страх только тогда, когда опасность уже позади.

Эмоции окружающих также воспринимаются в форме телесных проявлений. Скаут настолько точно подмечает характерные движения и мимику, что у читателя не остается ни малейших сомнений в том, какие чувства испытывает персонаж. «Аттикус, которого, похоже, очень беспокоил воротничок» [Ibidem, p. 147] – неловкость, «Я думала, на нем вот-вот рубашка лопнет...» [Ibidem, p. 194] – негодование; «...она скрутила платок так туго, что с него начал капать пот» [Ibidem, p. 199] – нервное беспокойство, и т.п. Любопытно, что эта специфическая «физиологичность» восприятия оказывается чертой наследственной. «Я замечала то, что заметить могут только те, у кого отец – адвокат, они-то знают, на что обращать внимание» [Ibidem, p. 232]. Но дело, конечно, не только в профессии. Взаимодействие Аттикуса с детьми характеризуется гораздо большей телесностью, чем можно было бы ожидать: «я заползла к нему на колени и уткнулась головой под подбородок. Он обхватил меня обеими руками и стал слегка покачивать» [Ibidem, p. 84]; «Аттикус протянул руку и взъерошил Джему волосы – один из тех жестов, которыми он выражал любовь к нам» [Ibidem, p. 171]. Объясняя им сложные ситуации или принципы, он использует идиомы с телесной образностью: «ты <...> заставила Уолтера Каннингема минуту побыть на моем месте» (буквально: «постоять в моих ботинках») [Ibidem, p. 173]; «они будут стоять за тебя не на жизнь, а на смерть» (в оригинале устойчивое выражение включает «зубы и ногти») [Ibidem, p. 245].

Телесные проявления становятся для детей исчерпывающей характеристикой как отдельных людей («мисс Эмили Дэвис нюхает табак, когда никто не видит; <...> у мистера Джека Слейда уже третья по счету вставная челюсть» [Ibidem, p. 175]), так и социальных групп («Обитатели этих офисов были существами под стать месту обитания: маленькие люди с серыми лицами...» [Ibidem, p. 179]; «–У них у всех голубые глаза», – объяснял Джем, – «мужчинам после свадьбы запрещается бриться»») [Ibidem, p. 175]). Иногда наблюдения просто забавны, иногда всерьез используются для выстраивания взаимоотношений с окружающими: «У мисс Моды была одна странность <...>: по ее позе мы всегда могли догадаться, в каком она настроении» [Ibidem]; «Мистер Дольфус Рэймонд был человеком дурным <...>, [но] запах его мне нравился <...>. И он носил английские сапоги для верховой езды, которых я раньше никогда не видела» [Ibidem, p. 221]. На протяжении всего повествования Скаут пытается разобраться, насколько можно подмеченному доверять и как таким знанием пользоваться.

Особой сложностью в этом смысле отличаются характеристики групповые. Их доминирование и принципиальная значимость неоспоримы для тети Александры: «Она никогда не упускала шанс отметить недостатки других родов – к вящей славе нашего собственного» [Ibidem, p. 142]. Характеристики могут быть какими угодно: «склонность к пьянству, к азартным играм, к скуности, к нелепым выходкам. <...> –Уж не скажешь ли ты, что у Финчей есть склонность к кровосмешению?» Тетушка сказала, нет, у нас наследственная черта – маленькие руки и ноги» [Ibidem, p. 143]. Они исчерпывающи и полностью исключают всё индивидуальное. У отдельно взятого человека нет ни малейшего шанса изменить своей наследственности: «Уолтера Каннингема можно натирать до блеска <...>, но <...> это – шваль» [Ibidem, p. 247-248]. У Скаут категоричность этого принципа вызывает скепсис и сопротивление. Разумеется, такие очевидные, сугубо телесные свойства, как «немытость» всех Юэлов, для нее непреложны, однако это только помогает ей увидеть отличие Маэлы от прочих членов семейства: «Похоже, Маэла старалась держать себя в чистоте...» [Ibidem, p. 197]. Ее попытка в первый школьный день воспользоваться прописными «истинами» о семейных повадках жителей Мейкомба оканчивается провалом. Куда успешнее пользуется такими знаниями Аттикус. Например, в случае с одним из Каннингемов в жюри присяжных на суде Тома, вставшим на сторону защиты потому, что «стоит однажды завоевать их уважение, и они всегда будут на твоей стороне» [Ibidem, p. 245]. Однако его подход дает сбой в куда более опасной ситуации. Он уверен, что «Нам нечего бояться Боба Юэла, он сегодня со мной уже поквитался» [Ibidem, p. 241], не подозревая, насколько недооценивает этого человека. Трагическую развязку в итоге предотвратила вовсе не его предусмотрительность, а детская бесхитрость, отвергающая приличия, которые требовали не беспокоить соседей-затворников. Да и ситуация с Каннингемами оказалась выигршной лишь потому, что в непривычной ситуации, в толпе незнакомых, странно одетых людей («Я подумала, что они, наверное, из тех, кто всегда мерзнут, раз рукава у них не закатаны и даже манжеты застегнуты») [Ibidem, p. 168]) Скаут сумела применить индивидуально-личностный подход. И хотя Аттикусу известно, что «Любая толпа в любом городке на Юге всегда состоит из людей, которые тебе хорошо знакомы» [Ibidem, p. 173], сам он ничего подобного сделать бы не смог.

Создается впечатление, что Аттикус чувствует себя стариком не столько в физическом, сколько в моральном плане и не в состоянии до конца следовать принципам индивидуального восприятия. Хотя он старается привить эти принципы своим детям, научить их, с одной стороны, быть внимательными к внешним мелочам, дающим ключ к внутреннему, с другой – не делать выводов на основании одной только внешности. История с миссис Дюбоз и, в особенности, случай с самим Аттикусом, которому удавалось скрывать свои навыки стрелка, преподают именно такой урок: отказ от предубеждений и обобщений в пользу индивидуального

и частного. Усвоение этого урока позволяет Скаут в финальных главах замечать, к примеру, благодарный взгляд тети, когда мисс Модии вступает за Аттикуса на собрании благотворительного общества, хотя она была уверена, что между ними нет ничего доверительного или близкого («Мисс Модии и тетя Александра никогда не были особо близки – и вдруг тетушка за что-то молча благодарит ее» [Ibidem, p. 257-258]). Абстрактный факт, что в Алабаме женщины не могут быть присяжными, возмущает ее несправедливостью, но затем она пытается представить конкретных знакомых ей леди в зале суда: «Мисс Модии в жюри присяжных произвела бы впечатление. Я вспомнила старую миссис Дюбоз в инвалидном кресле <...>. Пожалуй, наши прадеды были мудрыми людьми» [Ibidem, p. 244].

И, наконец, личным триумфом Скаут на этом пути становится встреча с Артуром Рэдди. По первому впечатлению она определяет его в категорию сельских жителей, но реагирует гораздо осторожнее: «Аттикус знал привычки сельских жителей намного лучше меня» [Ibidem, p. 293]. Вся сцена служит подтверждением того, насколько предшествующий опыт помог ей приблизиться к адекватному восприятию индивидуального: его абсолютно белая кожа («Руки у него были белые, болезненно белые, никогда не видевшие солнца» [Ibidem, p. 298]) не получает негативной оценки, не вызывает отторжения, она смело берет его за руку и удивляется, насколько она теплая («рука, удивительно теплая при такой белизне» [Ibidem, p. 305]). «Я начинала понимать его телесный язык» [Ibidem, p. 306] – к этому она была готова в силу своей природы, а вот для понимания, что «мне можно было вести его по нашему дому, но провожать домой по улице – ни в коем случае» [Ibidem], ей потребовалось через многое пройти.

Для Скаут стертые телесные образы в наставлениях отца («Никогда нельзя по-настоящему понять человека, пока не помотришь на все с его точки зрения” – “Как?” – “Нока не влезешь в его шкуру и не походишь в ней”» [Ibidem, p. 33]) не просто актуализируются, но приобретают почти буквальный смысл. Поначалу попытки «влезть в шкуру Джема и в ней походить» [Ibidem, p. 64] ей не удавались. В финале она останавливается на крыльце дома Рэдди, внезапно осознав, что это и есть та самая «точка зрения», в буквальном смысле, человека, только что подарившего ей жизнь. И только здесь есть шанс увидеть и понять, что побудило его сделать своим маленьким соседям такой драгоценный подарок: «Аттикус был прав <...>, никогда не узнаешь человека, не встав на его место <...>. И теперь мне было вполне достаточно постоять на крыльце дома Рэдди» [Ibidem, p. 308].

Существенную роль в социализации ребенка, родившегося в провинциальном городке Алабамы в 1930-х годах, играют межрасовые взаимоотношения. Преимущество рассказчицы в том, что она, в силу возраста, еще не воспринимает их как проблему. В результате, роман наглядно демонстрирует, как связь расовых предрассудков с телесным аспектом способствует их устойчивости у людей взрослых, полностью социализированных, в то время как восприятие цвета кожи как очевидного физического отличия парадоксальным образом дает Скаут шанс в будущем избежать этих предрассудков.

Отношение белых к черным в романе показано различное: от злобного презрения до заботы и дружеского участия. Дольфус Рэймонд и вовсе осознанно предпочитает чернокожих своим «соплеменникам», прибегая, однако, к хитрости, чтобы среди «своих» это сходило с рук. Судья Тейлор и Аттикус стараются сделать все возможное, чтобы суд и закон были для всех равно справедливы. Однако оба прекрасно понимают, что утверждение всеобщей справедливости – пусть и верное! – не сработает. Аттикусу произносит свою речь в суде, уже зная, чем закончится слушание. Джем уверен, что дело выиграно, поскольку все факты указывают на то, что Том должен быть оправдан – с точки зрения абстрактного равенства всех перед законом. Джем – подросток, который пытается стать взрослым, отвергнуть непосредственность своего детского восприятия. В случае с детьми-мулатами это дает ему явное преимущество: недоумевающим младшим, для которых они «выглядели совсем как негры» [Ibidem, p. 178], Джем снисходительно сообщает: «...надо просто знать, кто они» [Ibidem]. А на суде, в ситуации куда более сложной, где ему не хватает опыта Аттикуса, чтобы предвидеть финал, преимущество внезапно оказывается у Скаут. Она подмечает все телесные факты, мельчайшие детали, и то, что сама она не подвергает их никакому анализу, позволяет читателю видеть суть конфликта на телесном уровне: столкновение групповых признаков и признаков индивидуальных. Именно с точки зрения последних очевидна невиновность Тома: он калека и не мог совершить преступление, в котором обвиняется; а обвиняющий его Юэл – грязный пропойца, избивающий свою несчастную запуганную дочь. Тем не менее, Том был «негром с бархатно-черной кожей <...> Если бы не увечье, он был бы превосходным экземпляром» [Ibidem, p. 212], а Юэл – под всеми, смытыми по такому случаю, слоями грязи – «был белым» [Ibidem, p. 189]. И групповые признаки решают исход дела. Для Аттикуса этот факт очевиден, поскольку он и сам, несмотря на свои убеждения, часть этого общества. Он осуждает несправедливое отношение к чернокожим («...ты увидишь, как белые каждый день обманывают черных <...> – и если белый это делает <...> – он последняя дрянь» [Ibidem, p. 243]), но не снимает самого противопоставления. Для него это недостижимо. Фред Либерон пишет: «—Бить пересмешника” – о том, что расизм связан с поверхностным суждением» [3], употребляя идиому «skin deer». Фигуральное ее значение: касается внешнего, но не внутреннего, но если прочесть ее буквально, получается, что речь идет лишь о коже, но ее все равно нельзя снять и заменить другой. Джем делает вполне логичный вывод: «В мире есть четыре типа людей. Обычные люди – как мы и наши соседи, есть такие, как Каннингемы, которые живут в лесах, такие, как Юэлы, живущие на свалке, и негры» [2, p. 249]. Чернокожие остаются отдельной группой. Неважно, называют ли их «ниггер», «черный» или «цветной». Нет ничего удивительного в том, что сегодня роман обвиняют в нетерпимости: «Надо признать, что в определенных аспектах “Пересмешник” – откровенно расистское произведение» [3].

Скаут – единственная, кому удается это ключевое противоречие снять. Вместо того чтобы тщетно звать к абстрактной справедливости и равенству, она просто применяет к чернокожим тот принцип, что отец учил применять к белым, и переносит акцент с расового признака на индивидуальный. Если во главу угла ставится личность, уже нет возможности утверждать что-либо вроде: «Ты же знаешь, какие они. Как пришли, так и ушли. <...> И нигерская сущность в них всегда проявится» [2, р. 265], или «все негры лгут, все негры, по сути, – существа аморальные...» [Ibidem, р. 225]. Одним из этапов этого пути для героини становится сцена в «черной» церкви, где среди единого сообщества, равномерно доброжелательно настроенного, вдруг возникает очаг отторжения и проступает отдельная личность, с её индивидуальными чертами: «Голова у нее была вытянутая, а глаза необычной миндалевидной формы, прямой нос и изогнутые губы, как у индейцев» [Ibidem, р. 131]. Это уже означает, что черные не все одинаковы и не все рады принять в свой круг белых детей. Но, пожалуй, самым интересным моментом можно считать почти незаметный на первых страницах своеобразный эллипсис: представляя читателю воспитавшую ее Кальпурнию, Скаут говорит «наша кухарка» [Ibidem, р. 6], но не упоминает цвет кожи. Казалось бы, в этом нет ничего особенного, поскольку на Юге в то время кухарка едва ли могла быть белой, но дальше следует целый ряд чисто физических особенностей: «Кальпурния была совсем другой. Костлявая и угловатая, она была близорукой и косила, а рука у нее была широкая, как доска, и в два раза тверже» [Ibidem]. Для Скаут они гораздо существеннее того, что Кальпурния, член её семьи, – чернокожая. Между тем, упоминания другой прислуги всегда даются с уточнением «негрятянка» [Ibidem, р. 110] или «черный шофер» [Ibidem, р. 140].

В ответ на то, что есть хорошие белые, есть недалекие, есть плохие – и есть черные, она отвечает: «Не, Джем, я думаю, есть только один тип людей. Люди» [Ibidem, р. 250]. Разные, каждый со своим взглядом на мир. Какой бы ни была их кожа, в нее стоит постараться «влезть», и только тогда может что-то измениться. После всего, что переживает главная героиня «Убить пересмешника», есть шанс, что она с этой позиции уже не отступит.

Итак, особое внимание к проявлениям телесного позволяют десятилетней героине Харпер Ли воспринимать через них эмоциональные переживания и настроения окружающих людей, выделять важные черты их личности, подмечать особенности, объединяющие людей в группы. Влияние отца и участие в драматических событиях романа заставляют ее отказаться от обобщений и штампов, которые кажутся истиной многим жителям провинциального городка американского Юга, и сделать осознанный выбор в пользу индивидуально-личного. Этот важный «урок» формулируется с помощью достаточно физиологичного прочтения идиомы «влезть в чужую шкуру» и актуализации буквального смысла выражения «точка зрения». Более того, ей удается применить тот же принцип к проблеме расовой дискриминации: в то время как отец и брат, настаивая на равенстве всех перед законом, продолжают считать чернокожих особым типом людей, она видит в них индивидуальные телесные черты, среди которых цвет кожи теряется, позволяя проявиться личности. Итогом социализации героини становится однозначное утверждение, что никаких категорий не существует – есть только люди.

Список литературы

1. Barra A. What «To Kill a Mockingbird» Isn't [Электронный ресурс] // The Wall Street Journal. 2010. June 24. URL: <http://online.wsj.com/article/SB10001424052748703561604575283354059763326.html> (дата обращения: 12.02.2014).
2. Lee H. To Kill A Mocking-Bird. London: Arrow Books, 2006. 309 p.
3. Leebron F. Harper Lee's Novel is a Racist Morality Tale [Электронный ресурс] // Seattle P-I. 2007. September 13. URL: <http://www.seattlapi.com/ae/article/Harper-Lee-s-novel-is-a-racist-morality-tale-1249527.php> (дата обращения: 12.02.2014).

CORPORAL AS TOOL OF SOCIALIZATION IN HARPER LEE'S NOVEL "TO KILL A MOCKINGBIRD"

Prikhod'ko Vera Sergeevna, Ph. D. in Philology
Southern Federal University
vera.s.prikhodko@yandex.ru

The article considers the correlation of corporal categories manifestations in the text of the novel by Harper Lee and the process of main heroine's social formation. «Physiology» of surrounding people's emotions perception, the signs of social groups and the characteristics of individuals, inherent in her, led the heroine to the atypical for the social environment of the American South of the 1930s vision of racial discrimination problems. The heroine managed to feel the individuality of each person, including skin color, and completely solved for her the racial differences problem, which could not be implemented to full degree even by the most consistent defenders of justice in the novel.

Key words and phrases: Harper Lee; socialization; corporal; physiology; racial discrimination; educational novel.